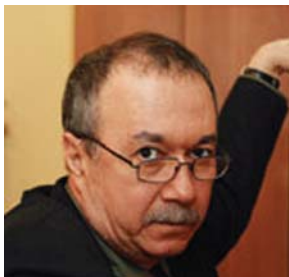

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ — БОЛЬШЕ ЧЕМ ИДЕОЛОГИЯ

ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ — политолог, кандидат философских наук, главный редактор журнала «Космополис»

Специально для РЖ

Парадоксально, но в нашей стране существует консенсус по поводу плюралистичности современной российской идеологии. В словесном выражении это формулируется так: у каждого свои интересы. К таким «каждым» можно отнести столичных жителей и провинциалов, малый бизнес и офисных работников, олигархов, бюрократов и т.д. И все согласны с мыслью, что говорить друг с другом не о чем.

Кроме этого, в нашей стране сложилось три основных политических тренда: это либералы во власти («Единая Россия»), либералы в оппозиции и левые в оппозиции. И это тоже консенсус: такая тренога достаточно устойчива.

Является ли либерализм господствующей идеологией? Конечно, нет. Он больше идеологии, — он является господствующей средой. Ранее господствующей средой (но не идеологией) выступал мягкий тоталитаризм советского образца. Внутри него существовали и твердокаменные коммунисты, которые верили в необходимость такого строя, и диссиденты, и «религиозники», и националисты всех наций, представленных в Советском Союзе. Сегодня политические и идеологические процессы происходят, безусловно, в либеральном формате. Чтобы это понять, достаточно выйти на улицу, зайти в магазин, проехаться в метро или посмотреть передачу новостей.

Специфика всех стран, которые перевалили через хребет индустриальной

модернизации, **в том числе и России, — они переживают процесс, который Дэниел Белл назвал «концом идеологии».** Люди сегодня мобилизуются материальными благами. **Мао Цзэдун очень метко сказал: чем голоднее в животе, тем звонче песня.** Идеология тем сильнее, чем слабее экономика. Чем больше бедности, нищеты, эпидемий, младенческой смертности, тем больше в умах золотых дворцов и идеологических концепций. В наше время, когда все худо-бедно, но сыты, одеты и обуты, какая может быть идеология? Люди зарабатывают деньги.

Когда-то Глеб Павловский сказал замечательную фразу: «Дайте нам любого человека, бюджет и полгода времени, и мы сделаем его популярной публичной фигурой». Если согласиться с этим, то разговор о том, что оппозиция не востребована обществом, теряет смысл. Если придет в голову нынешней сильной власти для каких-то своих целей дать 15–20 процентов мест в парламенте боевой оппозиции, таким острым критикам, как Касьянов, Каспаров, Лимонov, разве их не раскрутили бы на Первом канале? Да на раз! И у них появились бы люди, которые бы за них стали голосовать. В информационную эпоху, когда в том числе можно управлять и электоральными потоками, на вопросы о политических предпочтениях народа следует отвечать с осторожностью. ■

В РОССИИ НЕТ «ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОГО УЧЕНИЯ»

МИХАИЛ РЕМИЗОВ — президент Института национальных стратегий (ИНС)

Специально для РЖ

В российском идейно-политическом пространстве нет ничего, что не присутствовало бы так или иначе в западной традиции. Но на Западе все многообразие идейно-политической традиции оказалось сведено к единственно верному учению — либеральной демократии. Примерно так же, как все было сведено к диалектическому и историческому материализму в советский период. Хотя, разумеется, на Западе институты господствующей идеологии действуют менее назойливо и тотально, чем в СССР.

В современной же России это многообразие нередуцировано. **В отличие от Запада, у нас нет никакого «единственно верного учения».** Да, наша гуманитарная и политическая культура институционально на порядок ниже западной. Это печально. Но наши мозги не обработаны «напильником». **Если мы говорим об интеллектуальной атмосфере в российском обществе, либеральная демократия западного типа не является здесь доминирующей и даже лидирующей идеологией.** Поэтому нам легче видеть внутренние противоречия, заложенные в западном идеологическом каноне. Например, противоречия между демократией и идеологией свободного рынка, гражданскими ценностями и философией гуманитарных интервенций, социальной модернизацией и мультикультурализмом.

По этой же причине в России идеологическое

поле (именно идеологическое, а не политическое) нельзя структурировать по принципу «центр — периферия». Если на Западе есть огромный центр, связанный с либерально-демократическим каноном, и вокруг него некий пояс маргинальных субкультур, более или менее разрешенных «ересей», то у нас сосуществуют несколько влиятельных, примерно равноценных идейно-политических кластеров. Либерализм, социализм, консерватизм, национализм...

Но есть другая проблема: носители этих идеологий — фракции политизированной интеллигенции. **И только либеральная фракция имеет налаженные каналы коммуникаций с властью.** По сути, она имеет монополию на коммуникацию с властью — причем как в роли «мозгового центра» режима, так и в роли дозволенной оппозиции, фронды, к которой прислушиваются.

Эта особенность идет еще из 1990-х годов. Так исторически сложилось, что привилегированные позиции удалось застолбить птенцам гайдаровского гнезда. Сейчас они и контролируют «дорогу жизни» — узкий коридор, который связывает власть, государственный аппарат с гуманитарным сообществом, с идеологиями. В этом смысле, в смысле влияния интеллектуалов на власть, положение либерализма в России монопольное. Но эта монополия сугубо коммуникативная, а не интеллектуальная. ■